

3. Плахов А. На холмах Персии – жизнь и ничего больше// «Искусство кино». – 2003. – №6. – С.31–33
4. Потапов И. Маджид Маджиди: «Почти все молодые иранцы хотят стать кинорежиссерами»// GAZETA.GZT.RU. – 28.03.2005
5. Тахами-нежад М. Иранское кино – что мы знаем об Иране?/12(на перс. яз.). – Тегеран: Отдел культурных исследований, 1380.– 120 с.
6. Ханай М.Р. Иранское кино. Эссе//«Искусство кино».– 2004.– №9.– с.21–23
7. Шаабани–Пирпоште М. Портрет друга: взгляд на жизнь и творчество великого режиссера Аббаса Кияростами(на перс. яз.).– Тегеран: Изд-во “Рузне”, 1376.– 198 с.
8. Шахов А. Аббас Кияростами и его фильмы//Персия.– 2001.– №7.–с.19–22
9. Шахов А. Новое иранское кино в Москве// Персия. – 2000.– №3.– с.71–79.
10. 3 иранских фильма были показаны на кинофестивале в Новой Зеландии// “Эттелаат”(на перс. яз.). – 11 августа 2006. – № 2898. – 12 с.
11. Аббас Кияростами отправился в Норвегию со своими фильмами, фотографиями и стихами // “Эттелаат”(на перс. яз).– 9 августа 2006. – № 2894.– 12 с.

Кохан А.А.

ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ 1905 ГОДА В КРЫМУ И ПОЛИЦИЯ

Революционное движение начала XX века, охватившее всю Российскую империю, не обошло и Крымский полуостров. Являясь южной окраиной государства и, входя в полосу еврейской оседлости, он стал одним из регионов, где широкую деятельность развернули политические партии всех направлений. Особенно активно в Крыму действовали социалистические партии, в немалой степени, состоявшие из еврейского населения Юго-Западного региона империи. Эти процессы способствовали накалу отношений между различными слоями населения полуострова, что нередко приводило к многодневным беспорядкам на улицах крымских городов, которые, как правило, заканчивались еврейскими погромами.

В советской историографии устоялась точка зрения, что все крымские погромы были спланированы и организованы административно-полицейским аппаратом губернии [1], она фактически стала канонизированной, и, практически, в течение 50 лет никто из исследователей не возвращался к детальному рассмотрению этой проблемы. Лишь в начале 90х годов появилась комплексная работа, в которой были восстановлены события революции 1905–1907 годов, был проделан их анализ. Внимание было обращено и на проблему еврейских погромов 1905 года, где они рассматривались в комплексе с другими революционными событиями [2].

Проблема на данный момент остаётся мало исследованной, до сих пор не акцентировалось внимание на взаимосвязях между погромами, не существует единого мнения в отношении организации еврейских погромов, причастности к ним полиции, недостаточно внимания уделялось на уточнение событий самих погромов, за исключением, симферопольского 18–19 октября [3].

Поэтому целью данной статьи является выяснение причастности административно-полицейского аппарата Таврической губернии к организации еврейских погромов. Из этой цели вытекают следующие задачи: выяснение политической ситуации накануне погромов, рассмотрение деятельности политических партий, которые вели активную революционную агитацию, изучение хода погромов.

После январского расстрела демонстрации в Петрограде, в империи начался рост революционного движения. Этому способствовали левые радикальные партии, которые начали активную пропагандистскую деятельность во всей стране. Так, в Крыму к концу 1904 года РСДРП насчитывала 50–60 человек [4], она постепенно увеличивалась, росли ряды и других революционных партий [5], которые вели агитацию среди населения.

В этом отношении особенно неблагоприятная обстановка складывалась в Феодосии: в ночь с 30 на 31 января по городу было разбросано более полутысячи листовок РСДРП, в ночь на 1 февраля – ещё больше. Участились забастовки. Одним из самых крупных противостояний стала борьба между местными экспортёрами и портовыми рабочими за улучшение их экономического положения. Она была связана с безработицей и угольным кризисом [6]; в результате грузчикам всё же удалось добиться улучшения своего экономического положения у работодателей. В начале февраля на табачной фабрике Стамболи, была объявлена первая в городе забастовка, на которой среди прочих экономических требований, были выдвинуты и политические: о свободе слова и печати.

5 февраля в Кизильнике была сходка рабочих табачных фабрик и других мастеровых, на которой обговаривались: плохое положение рабочих, увеличение им заработной платы, звучали речи о свержении самодержавия, прекращении войны с Японией. На этом собрании было решено 7 февраля, в понедельник, провести забастовку.

В ночь с 6 на 7 февраля по городу были разбросаны прокламации: «Ко всем рабочим и работницам города Феодосии», «Ко всем рабочим и работницам табачных фабрик», «Ко всем ремесленникам города Феодосии» [7].

7 февраля фабричные рабочие еврейской табачной фабрики и табачной фабрики Стамболи забастовали [8], затем к ним присоединились рабочие коробочной фабрики. Они устроили демонстрацию, состоявшую почти из 800 человек (уже в 1903 году на фабрике Стамболи работало около полутысячи человек [9]), и двинулись к порту. Сразу после начала продвижения демонстрации к порту, полицмейстер города, Рома-

новский, обратился к начальнику Феодосийского жандармского отделения железных дорог ротмистру Андрееву, с целью получить содействие [10], т.к. сил полиции, для остановки демонстрантов и предотвращения возможных столкновений на улицах города, не хватало. Перед портом дорогу толпе преградила городская полиция, во главе с приставом Захаренко, однако демонстранты силой присоединили к выступлению грузчиков. Из порта толпа направилась к зданию думы, где возле памятника Александру III, должен был пройти митинг [11].

Перед думой стали произноситься антиправительственные речи. Почти сразу после начала митинга началась драка между забастовщиками и портовыми рабочими, не желавшими бастовать. Был убит один человек, избито около 15, рабочие ограбили лавку и квартиру, принадлежавшие Фендису Брунштейну [12]. Через час подошла рота 52 пехотного Виленского полка, и драка была остановлена.

Организаторами демонстрации стали члены социал-демократической партии: переплётчик Гольдберг, коробочник Дитина (в июле 1905 года он был арестован в Севастополе, по обвинению в политической неблагонадёжности [13], а в октябре был одним из организаторов еврейской боевой дружины в Феодосии), столяр Дубинский, прядильщица в прачечной Крижановская, портной Лаевский, двое интеллигентов: Берлан и Штерн [14].

Демонстрация 7 февраля, закончившаяся столкновением между участниками митинга и портовыми грузчиками, показала властям губернии нарастающую силу социалистических партий, которые становились всё более популярными среди населения. Её можно рассматривать как одно из первых крупных выступлений с политическими требованиями не только в Феодосии, но и вообще, в Крыму и северной Таврии.

Однако мы не можем называть эти события в полной мере еврейским погромом, потому что они не были направлены против какого-то одного народа, проживавшего в Крыму, а являлись взаимодействием двух противоборствующих идеологий: революционной и консервативной и столкновением двух групп с различными экономическими интересами: портовыми грузчиками и рабочими табачных фабрик города. Погромом беспорядки не можем назвать и по масштабам нанесённых убытков, количеству разграбленных и уничтоженных лавок, магазинов, квартир. Следует обратить внимание на то, что пострадавшими в результате этого столкновения стали только евреи, однако, это объясняется, скорее, не целенаправленным их избиением, а тем, что среди демонстрантов их было подавляющее большинство.

События 7 февраля показали неподготовленность властей к подобного рода забастовкам и неспособность полиции на практике препятствовать им. Так же это можно объяснить малочисленностью городской полиции. Кроме того, демонстрация положила начало конфликту между портовыми рабочими и рабочими феодосийских табачных фабрик, который достиг своей

24 февраля пристав Захаренко отправил рапорт Товарищу прокурора Симферопольского Окружного суда, в котором говорилось об умышленном распространении жителем города Феодосии, Толчинским, слухов о том, что Захаренко призывал к избиению евреев [15], но никаких разбирательств по этому делу не последовало. Помимо этих обвинений в адрес полицейского чиновника, никаких доказательств, которые бы указывали на причастность полиции к беспорядкам 7 февраля, нет. Единственным недостатком работы охранителей порядка в этот день, стала их неоперативная и неслаженная работа [16].

Ещё после Кишинёвского погрома 1903 года, устоялась версия о принадлежности полиции к его организации, но она имеет малое число подтверждений. После Кишинёвского погрома, Каховское еврейское духовное правление (Днепровский уезд) обратилось к Таврическому губернатору с прошением увеличить в местечке состав полиции для защиты имущества евреев от «злоумышленников разного рода» во время празднования Пасхи [17]. Т.е., мы видим, что часть еврейского населения относилась к полиции не как к организаторам погрома, а как к правоохранителям.

Тем не менее, впоследствии почти все погромы, которые происходили в империи, причислялись к действиям полиции. Беспорядки в Феодосии 7 февраля не стали исключением, так как, борющиеся с режимом социалистические партии, должны были вести свою идеологию в двух основных направлениях: оправдание своих действий и указание на ошибки и противоправные действия правительства, которые в данном случае вылились в поиск виновников в среде правоохранителей.

Выступления против правительства, обязательно наталкивались на противодействие со стороны полицейской власти, которая являлась опорой царя в империи. Для борьбы с революционерами и политически неблагонадёжными, помимо общей полиции, существовали жандармерия и охранное отделение. Именно поэтому почти все последующие демонстрации сопровождалась лозунгами: «Долой самодержавие!», «Долой полицию!», «Долой жандармов!». Эти лозунги ещё больше настраивали против демонстрантов полицию.

К 1905 году в стране сложилась очень сложная этнополитическая ситуация: стремительный рост населения и общее «омоложение» состава влекло за собой два важнейших последствия: накопление элементов юношеской деструктивности, причём как общих для социума, так и касающихся наиболее обделённых властью этносов, и рост социальных ожиданий, вылившийся в ненависть к империи [18].

Евреи оставались в неравных правах с остальным населением страны. Именно поэтому, многие социалистические партии имели в своих рядах многих представителей этого этноса, которые занимали в них различное положение: от исполнителей до руководящей верхушки. Поэтому слово «еврей» очень часто ассоциировалось с «революционером». Даже Николай II, будучи очень хорошо осведомлённым, в политических событиях в стране, воспринимал события в государстве сквозь призму социального мифа, рассматривал их как деятельность иностранных революционеров, интеллигенции и евреев [19].

Именно в этих процессах, мы можем уследить причины борьбы полиции с евреями страны, которая была связана не с антисемитизмом, а с противостоянием революционным партиям, в которые входили ев-

реи. Подтверждением этому служат и дневники Спиридовича, одного из жандармских офицеров Николая II, которые показывают, что среди офицерского состава Департамента полиции Российской империи, антисемитизм как социальное явление практически отсутствовал [20].

Можно говорить, что к лету в Керчи усилилось противостояние между революционными и консервативными силами [21], об усилении социалистических партий, развитии ими активной пропагандистской деятельности. В Керчи находилась редакция газеты «Южный курьер», редактор которой Кристи, проводил антиправительственную линию, во многом поддерживая революционеров.

Напряжение в городе нарастало с каждым днём. Это видели и обыватели, и, когда 27 июля, группой лиц, принадлежавших к социал-демократической партии, была произведена вызывающая по своему характеру демонстрация, то настроение в городе стало действительно тревожное. 30 июля по городу прошла патриотическая манифестация, которая разбила окна в редакции «Южного курьера» [22]. Кроме того, в Керчи, как и на остальной территории Юга России, появилась антиеврейская агитация, в виде распространения печатных изданий «День», «Пахарь» и другие [23].

31 июля начался погром еврейских домов и магазинов. 1 августа градоначальник Керчи, генерал-майор Клокачёв отправил Министру Внутренних Дел телеграмму, в которой говорилось, что с утра около 10 тысяч человек по всему городу громят еврейские магазины и лавки. Днём произошло вооружённое столкновение между еврейской самообороной и войсками: 30 молодых евреев открыли огонь из револьверов по солдатам, на что те так же ответили огнём. Было ранено несколько евреев, один солдат. Еврейская дружина была рассеяна. Полиция фактически не могла противостоять громилам из-за многочисленности тех и разбросанности толп погромщиков по всему городу. Лишь с прибытием для охраны города ещё двух рот солдат, удалось навести относительный порядок [24].

По городу стали активно циркулировать слухи о причастности к погрому полиции, которая якобы являлась организатором избиений евреев. Для расследования этого вопроса Городской Думой была создана специальная комиссия, которая должна была решить этот вопрос. Она пришла к заключению, что полицейские чины не имеют к организации беспорядков никакого отношения. Вся вина по постановлению Думы ложилась на молодых евреев – членов социал-демократической партии, которые своей агитацией вызывали недовольство населения. Однако даже в тех случаях, где полиция могла что-то решить собственными силами, она бездействовала.

К середине октября 1905 года, революционное движение продолжало нарастать [25], противостояние власти и политических партий вновь усиливалось. На осень выпал пик накала революционных событий в Крыму. 17 октября Николай II подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», ставший поводом к новой волне беспорядков, которые захлестнула всю страну.

В Крыму в октябре 1905 году было несколько погромов: в Феодосии, Старом Крыму, Карасубазаре, однако самым крупным является симферопольский погром 18–19 октября. Его жертвами стали 43 еврея, 20 караимов, армян и русских, похороненных 20 октября [26]. Городу и частным лицам были нанесены огромные убытки. Так, по примерным подсчётам, за 18 и 19 октября, было уничтожено имущества последних, более чем на 206 тыс. рублей. В первую очередь разграблению и уничтожению поддавались еврейские торговые лавки и магазины, находящиеся в центре города [27].

В октябре 1905 года по городу носились слухи, что будет устроена общая забастовка, что происходят сходки революционных партий, которые вооружены револьверами и запасались бомбами, предназначенными для полиции и войска [28], поэтому интересы полиции и солдат в подавлении революционного движения совпадали.

Напряжение это усилили события 11 октября: в одной из квартир города произошёл взрыв бомбы, в результате которого погиб Израиль Айзикович Грановский. В его доме были найдены рецепты взрывчатых составов, химические формулы, пузырьки с разными жидкостями, переписка [29].

Утром 18 октября, после принятия Николаем II манифеста, была устроена манифестация с красными флагами. Толпа прошла по городу, обходя учебные заведения, где к ней присоединялись учащиеся, затем она направилась к тюрьме с целью освободить политического заключённого Неручева. Однако вопрос о его освобождении был решён с губернатором ещё накануне вечером, и Неручев уже находился на свободе [30]. В 10.30 из первого полицейского участка начальнику тюрьмы позвонил пристав Баланчивадзе и сообщил о продвижении демонстрантов к тюрьме, с целью освобождения политических заключённых. Начальник тюрьмы сразу отправил запрос в 51 Литовский пехотный полк о предоставлении охраны тюрьме.

К 11-ти часам дня к зданию тюрьмы подошла толпа, состоящая преимущественно из молодых евреев, с криками «Ура! Освободить политических!».

Крики демонстрантов слышали заключённые, которые поломали сначала замки, а потом бревном вышибли тюремные ворота и стали разбегаться через площадь в разные стороны. Ко времени прибытия войск из тюрьмы сбежало 127 человек (двое из них были убиты толпой), оставшиеся же арестанты оказали войскам сопротивление, которое было подавлено только с применением оружия. К 6 часам вечера в тюрьму было возвращено 80 человек, среди которых было 4 политических заключённых, из 9 сбежавших [31].

Однако в данной проблеме не всё остаётся понятным: если жандармы помогали войскам в усмирении арестантов, то таких данных о полиции мы не имеем. Неясным остаётся и тот факт, почему войска прибыли к тюрьме только через час, после запроса об охране, в то время как казармы полка находились в двухстах шагах от тюрьмы [32].

По освобождению арестантов толпа с красными флагами и одним белым с надписью «Да здравствует свобода!», двинулась по Екатерининской улице в город [33].

Во время беспорядков в тюрьме, в городе была организована т.н. патриотическая манифестация, состоящая преимущественно из чернорабочих. Сначала она направилась к первому полицейскому участку, где по просьбе пристава Баланчивадзе из казённой палаты был вынесен портрет императора. Затем толпа двинулась вверх по Лазаревской улице к дому Волкова. Здесь губернатор дал патриотической манифестации разрешение на сопровождение военных музыкантов. Продвигаясь в полк за музыкантами, обе толпы встретились в переулке Фабра, в котором произошло первое столкновение [34].

Затем патриотическая манифестация вошла в городской сад, где происходил митинг, но еврейская самооборона открыла по ней огонь из револьверов. «Патриоты» стали избивать евреев, участников этого собрания, после чего устремилась в город, где начала громить еврейские лавки. Больше всего пострадали лавки и магазины, находящиеся на Екатерининской улице [35].

Пристав второго полицейского стана, Илья Яковлевич Чупринко и бывшие городовые симферопольской полиции Семён Никитович Ермоленко, Пётр Филиппович Богданов, Станислав Иванович Пахановский, Евдоким Иванович Кузьменков, Адриан Павлович Морозов, Кириленко, Архип Петрович Дрёмов призывали к избиению евреев и участвовали в нём, в городском саду. Во время этой свалки полицейские использовали шашки и револьверы, что было подтверждено и экспертизой. В отношении этих чинов был составлен обвинительный акт, и они проходили под судом. Некоторые подсудимые были взяты на поруки Союзом Русского Народа [36].

8 июня 1907 года исправник Мелитопольского уезда ходатайствовал у Таврического губернатора о даровании Царской милости приставу Чупринко, который на полтора года находился в арестантской роте и был лишён прав и преимуществ.

А 21 сентября 1907 года император даровал помилование всем участникам симферопольского еврейского погрома, включая и полицейских [37], а в мае 1908 года Чупринко занял должность пристава третьего стана в Мелитопольском уезде [38].

Однако такие крупные полицейские чины как Багель и Баланчивадзе, впоследствии назначенный начальником тюрьмы, никакой ответственности за противозаконные действия во время погрома не понесли [39]. В этом явно видится благосклонность со стороны властей по отношению к погромщикам. Министр внутренних дел узнал о манифесте только вместе с Петербургскими жителями, кроме этого, смена правительственного курса застигла врасплох местные власти [40], поэтому говорить о заранее подготовленных полицией погромах, не приходится, несмотря на то, что многие из них разворачивались по схожим сценариям. Поэтому участие полицейских чинов в избиении демонстрантов или бездействие с их стороны являются скорее не запланированными действиями, а поведением различных чиновников в сложившейся ситуации. Противоправное поведение полицейских, вероятно, объясняется частыми столкновениями с революционными партиями.

Фактически полиция была той движущей силой, которая способствовала разрастанию погрома по всему городу, нагнетала и без того сложную ситуацию. Полковник Кравченко, служивший в жандармском управлении, на судебном заседании утверждал, что для останова погрома требовалось «очень мало войска» [41], которое на подавление беспорядков в городе было отправлено слишком поздно.

Была создана специальная комиссия, которая должна была решать вопрос о причинах погрома, причастности к нему полиции. Она должна была быть тесно связана с городским головой. Волков просил его в письме контролировать деятельность этой комиссии, уведомлять генерал-губернатора о её деятельности и решениях [42].

Город не был готов к такому повороту событий. Мы это можем увидеть из следующей телеграммы генерал-губернатора Волкова, отправленной 18 октября Трепову: «... несмотря на вызов всех войск, начался еврейский погром, прекращающийся лишь к вечеру. Убитых свыше 30. Получил сведения о погроме в других местностях» [43].

Итак, симферопольский погром, являясь одним из самых крупных в Крыму, имеет ряд особенностей: к его организации была причастна полиция, недовольная частыми выступлениями социалистических партий, для его подавления были приняты незначительные усилия, связанные с бездействием администрации города и исполнительной власти губернии.

Почти одновременно с кровавыми симферопольскими событиями, похожий сценарий разыгрывался и в Феодосии.

18 октября, после 3х часов дня на Итальянской улице стали собираться кучки народа. Произносились антиправительственные речи. Один из ораторов кричал: «Вон полицию!», «Долой жандармов!». С 6 часов толпа направилась к вокзалу, т.к. из Керчи ожидалось прибытие поезда с экземплярами Манифеста. Затем толпа вернулась, распевая Марсельезу и Дубинушку. В 8 часов вечера возле банка собралась толпа почти в 200 человек. К 9 часам вечера, на площади перед собором, из толпы выделилось несколько радикально настроенных ораторов: «бранили царя, правительство и богатых капиталистов»; однако, кто-то из них призвал толпу разойтись для того, чтобы собраться на следующий день, 19 октября, на Гимназической улице к 9 часам утра «на мирный праздник свободы».

Вдруг с разных сторон раздались крики: «Бей жидов!», «Войска идут!». «Только что начавшаяся свалка была остановлена выстрелами в воздух», из-за чего толпа быстро рассеялась: на улице осталось 20–25 человек. Вскоре подошли войска [44].

Вечером, того же дня, Аарон Яковлевич Крым, пригласил к себе домой двух рабочих, служивших в порту, которые в присутствии городского головы, Л.А. Дуранте, заявили, что если на следующий день вновь начнётся манифестация, то, вероятнее всего, следует ожидать столкновений на улицах города [45].

19 октября, около 8.30 утра, воспитанники учительского института приглашали рабочих табачной фаб-

рики Стамболи бросить работу и отправиться на митинг, что те и сделали. К 9 часам манифестация направилась к мужской гимназии, где уже находились А.Я. Крым, Л.А. Дуранте, попечитель гимназии, А.В. Бырлак, все учителя. К манифестации присоединились гимназисты и гимназистки. Толпа насчитывала около 300 человек. У некоторых на груди были красные бантики. Манифестанты потребовали открыть здание гимназии для проведения в нём митинга, на что власти дали отказ.

Председатель Феодосийской земской управы г. Грамматиков объявил собравшимся, что для митинга отводится концертный зал городского здания, где так же помещалась городская управа, ресторан. На это было сказано, что если зал не вместит всех желающих, то манифестация вернётся в гимназию и «силой возьмёт все классы и другие помещения» [46].

Толпа направилась к городскому зданию. К этому времени, она уже насчитывала около 800 человек. По пути произносились речи, пелись песни. Появились красные флаги с надписями: «Земля и воля», «Свобода, равенство, братство», флаг с шестиконечной звездой, один чёрный флаг с надписью: «Вечная память павшим за свободу». «Из толпы было много евреев. Они гласным образом говорили речи». Толпа манифестантов частью вошла в концертный зал, а частью осталась возле памятника Александру III. На площади, где по большей части звучали антиправительственные речи, было много любопытных, не принимавших участия в манифестации.

В 11 часов утра со стороны соборной площади по Итальянской улице стала приближаться толпа с пением национального гимна, портретом Государя, было 4 флага. По пути толпа встретила священника, Николая Васильевича Владимирского, настоятеля Феодосийского собора, который к ней присоединился. Он шёл впереди патриотической демонстрации, неся в руках крест.

Люди, находившиеся в зале, слышали приказ к построению боевой дружины. В здании управы на этот момент находилось 150–200 человек, которые слушали речь С.С. Крыма [47].

Перед входом в клуб выстроилась еврейская боевая дружина, около 40 человек, закрыв, таким образом, проход в него членам патриотической манифестации, которая остановилась недалеко от памятника.

Один из рабочих, в синей блузе, Василий Панченко, приблизился к самообороне с требованием снять шапки, во время исполнения гимна, но, получив отказ, схватил одного из членов самообороны и был убит револьверным залпом. Патриотическая манифестация отступила назад, самооборона успела скрыться в здании клуба. Евреи открыли стрельбу из окон. В них полетели камни, разбросанные между фонтаном и памятником, приготовленные для починки мостовой. Всех людей, вышедших из клуба, тут же избивали дубинами. Началась свалка. Около 12 часов дня была разбита тюрьма, и из неё бежали заключённые. После первых выстрелов, у клуба появились пристав Захаренко, помощник пристава Муравьёв, несколько городских. Чуть позже к клубу подошла полурота солдат 52 пехотного Виленского полка [48].

В здании управы со стороны ресторана начался пожар. Полиция сразу же потребовала выезда пожарных, однако, команда этого сделать не могла, так как была остановлена группой береговых рабочих. Выехав к зданию управы, пожар потушить тем не менее не удавалось, так как и здесь пожарным препятствовали рабочие. Здание полностью сгорело [49].

Ротмистр Зубов в телеграмме Волкову описывал эти события так: «Возникли в городе антиеврейские беспорядки, евреи, собравшись в городском клубе, стали стрелять в русских. Устроили пальбу в манифестацию. Толпа подожгла здание и убивает евреев, скрывшихся в клубе. Разбита городская тюрьма. Выпущены арестанты. Катастрофа страшная. Трудно сейчас определить количество жертв, среди которых много учащейся молодёжи, участвовавшей в собрании в клубе» [50].

Губернатор Волков, в телеграмме Захаренко, сообщал: «Требуется от войск подавления беспорядка решительными мерами, мерами оружия. Телеграфируйте, где Романовский (тот с утра 19 октября не появлялся в участке, ссылаясь на болезнь)» [51].

20 октября был базарный день, из-за чего в город приехали крестьяне, которые так же приняли активное участие в погроме [52]. Ситуация обострилась. Власти просили помощи у центра: «Положение особенно серьёзное и опасное, – заявлял исправник Ионин, – Толпа народа возбуждена нелепыми слухами, бросается в разных частях города, производит бесчинства и поджоги. Войск мало. Три роты, выбившиеся из сил. Опасность грозит всему мирному населению города. Начинается паника» [53].

Видим, что для подавления беспорядков в городе сил полиции и войск не хватало. Волков отправил несколько телеграмм в Севастополь, о необходимости экстренно предоставить 2 роты солдат для подавления погрома, т.к. «из других мест войск быстро доставить невозможно» и в Одессу, командующему войсками, о необходимости переправить роту солдат из Бердянска в Севастополь [54].

По ходатайству губернатора из Севастополя было послано войско в Феодосию на броненосце «Синоп» [55].

Окончательно беспорядки во всех частях города были подавлены только к 24 октября. Было убито 14 человек. У 11 были достаточно серьёзные травмы. Город понёс очень большие убытки. Пострадало и мирное население. В сумме у него было уничтожено и разграблено имущества примерно на 179750 рублей [56].

Племенной ненависти в Феодосии, как и во многих других городах Крыма, ранее не наблюдалось. Антисемитизм был для Крыма явлением нехарактерным [57]; это замечают и многие жители Феодосии, которые стали очевидцами и участниками беспорядков, происходивших в «Дни народной Свободы»; хотя евреи значительно и ущемлялись в правах [58].

Феодосийский погром можно отнести по социальному составу погромщиков к наиболее распространённым типам, так как в нём принимали участие рабочий класс, в первую очередь, в лице портовых рабочих, который «на своих плечах вынес весь погром». Причинами его реакционности можно рассматривать

желание отомстить рабочим табачных фабрик, которые заставили его примкнуть к демонстрации 7 февраля 1905 года, кроме того, под обвинением евреев в революционности, было желание обогащения. Ещё одной силой была мелкая буржуазия, т.е. мелкие торговцы и ремесленники. «Здесь, очевидно действовал антисемитизм на экономической почве (в первую очередь рыночная конкуренция)» и, как и в первом случае, желание обогатиться. «Крестьянство участвовало в погромах исключительно в целях обогащения на счёт еврейского добра» [59].

В советский период все без исключения исследователи придерживались той точки зрения, что погром, безусловно, был организован феодосийской полицией: «В Феодосии черносотенцы сожгли здание городской управы, где происходило собрание социал-демократической организации, а затем устроили кровавый погром. Всё это совершалось при полнейшем попустительстве властей» [60]. Губенко Г.Н. пишет, что «В так называемые «дни свободы» полиция и чёрная сотня залили улицы крымских городов кровью» [61]. Многие советские историки в описании погрома ссылались на письмо Н.И. Крылова, которое рассматривали как основной источник в доказательстве причастности полиции к этим событиям [62].

Письмо Н.И. Крылова является подлинником [63]. В редакцию оно попало не по почте, а было передано через вторые руки. Его автор рассказывал о том, что береговой староста Сергей Шейка, старший стражник Иван Гунчинка, помощник пристава Муравьёв и несколько городских, организовали из портовых рабочих, враждовавших с рабочими табачных фабрик, патриотическую манифестацию. Сами же полицейские переоделись в гражданское и рассказывали грузчиком о необходимости подавления демонстрации в городе. Панченко же был убит Муравьёвым [64].

Следует обратить внимание на то, что определить личность Н.И. Крылова так и не удалось. Допросить его в качестве свидетеля так же оказалось невозможным, т.к. никто из портовых рабочих этого грузчика не знал, переписка Судебного следователя Завадовского, ведшего дело о беспорядках в Феодосии, с сельскими старостами Виленской губернии не дала результатов, т.к. таковой в этой местности никогда не проживал. Попытка вызвать Крылова в участок через объявление в «Южном курьере» так же была безрезультатной [65].

Согласно данным вскрытия, рабочий был убит в результате огнестрельного ранения в левую лопатку. Других следов насилия на теле обнаружено не было [66], что отрицает возможность убийства Панченко ударом револьвера в висок, как писали в газетах. Вероятность того, что грузчик был застрелен в спину помощником полицмейстера Муравьёвым или кем-то из городских тоже очень низка, т.к. пуля, изъятая из трупа не казённого образца, а, скорее всего, была выпущена из одного из пистолетов, принадлежавших членам еврейской боевой дружины [67].

В связи с этим, является очень интересной речь присяжного поверенного Б.П. Куликова, которому удалось оправдать 5 дружинников из еврейской самообороны, в которой он заявляет, что «точно и твёрдо установлено: Панченко убит не членами самообороны» [68]. Однако Куликов ничем не подтвердил своё заявление.

Сведения же, которые давали очевидцы беспорядков Завадовскому указывают только на подстрекательскую деятельность полицейских чинов, в первую очередь, Захаренко, который ещё 18 октября, накануне погрома, призывал к избиению евреев. Один из членов самообороны, Пикчуров Иван, указывал на то, что поджог совершили полицейские [69]. Так же следует обратить внимание на бесчинства некоторых городских: на кражи и незаконные задержания, осуществляемые ими [70].

Достаточно интересен вопрос о причастности к беспорядкам Судебного следователя Завадовского, который вёл это дело. По показаниям членов еврейской боевой дружины: Арона Селевина, Исахора Либина, Льва Каменки, Завадовский дал боевой дружине приказ к построению, т.е. фактически руководил её действиями, однако его признали невиновным, опираясь на следующие данные: доктор Веружинский, Емельян Бубенко, Пинт утверждали, что он даже не говорил с евреями, последние же не заслуживают доверия, так как приказания следователя слышали бы все, кроме того, они находятся под следствием. Однако по данной проблеме нас интересует Представление Завадовского Симферопольскому окружному Суду: «Считаю долгом довести до сведения Суда, что в течение всего производства о погроме, я работаю без содействия полиции, заподозренной поголовно в организации погрома» [71], но он не привёл никаких доказательств, и официального хода делу не дали.

Кроме того, следует отметить, что «Гаврическим губернатором вслед за событиями 19 и 20 октября приказано было бывшему местному полицмейстеру (Романовскому) подать в отставку» [72]. Однако этот жест со стороны генерал-губернатора можно рассматривать как снятие с должности за несправление с обязанностями.

19–20 октября в Феодосии служило 32 городских, не считая более высоких полицейских чинов. К 1906 году из этих 32 человек от должности было уволено 11 [73]. Тем не менее причины увольнения не указываются, а в Феодосии несколько раз в год практически полностью сменялся состав нижних чинов полиции, что было связано с очень низкими зарплатами.

Таким образом, мы видим, что существенных доказательств, подчёркивающих причастность полицейских чинов к организации еврейского погрома нет.

Однако есть показания свидетелей, доказывающие вину некоторых городских в помощи погромщикам, во время избиения евреев на площади перед городской управой. Это вероятнее всего была не заранее запланированная полицией акция, а самоуправство в толпе громил.

Доказать причастность более крупных полицейских чинов, таких как полицмейстер Романовский, исполняющий обязанности полицмейстера в дни погрома, пристав Захаренко, помощник пристава Муравьёв, к погрому практически невозможно. Это связано с тем, сто письмо Н.И. Крылова, бывшее одним из глав-

ных источников, доказывающих причастность полицейских к погрому, при более детальном рассмотрении показало свою несостоятельность по данной проблеме.

Помощник пристава, Муравьев, продолжал исполнять свои обязанности и во время следствия по делу о беспорядках в Феодосии, однако вскоре был убит партией социал-демократов без ведома Комитета. Виновных так и не нашли [74].

«Имея в виду, что процессии или манифестации с флагами красного или чёрного цвета и с надписями противоправительственного и революционного содержания, служат поводом к столкновениям и беспорядкам, предлагаю Вашему Превосходительству подобных процессий или манифестаций впредь не допускать, принимая в надлежащих законом указанных случаях все установленные меры для прекращения таких процессий или манифестаций» [75], – писал в телеграмме П. Дурново Таврическому генерал-губернатору.

Это говорит о неспособности администрации противостоять народным выступлениям. Только этим и попустительством, в большинстве случаев, со стороны правоохранительных органов, и можно объяснить размеры, которые приняли народные волнения и беспорядки.

Революционные выступления, нараставшие в губернии с конца 1904 года, вылились в конечном итоге в еврейские погромы, связанные с деятельностью евреев в социалистических партиях.

Полиция принимало непосредственное участие в этих погромах, но выражалось оно в разных формах: от попустительства и бездействия, как в феодосийском погроме 19–21 октября, вплоть до избияния демонстрантов, основанном на личном неприятии и преувеличении полномочий, как в керченском летнем погроме и беспорядках в Симферополе 18–19 октября.

Хотя столкновения демонстрантов с полицией были и до этого, во время октябрьских погромов они достигли своего апогея и завершились кровавой развязкой.

Источники и литература

1. Губенко Г.Н. Революционное движение в Таврической губернии в 1905–1907 гг. – С.: Крымиздат, 1955; Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. – Вып.1. – С.: Крымиздат, 1951.
2. Королёв В.И. Бунт на коленях: Политические партии в Таврической губернии в 1905–1907 гг. – С.: Таврия. – 1993.
3. Клейнершехт. Дело об октябрьском погроме в Симферополе: Судебный отчёт с иллюстративными приложениями на отдельных листах. – С., 1907; Королёв В.И. Еврейский погром 1905 года в Симферополе // Культура народов Причерноморья. – №52. – Т.1. – 2004. – С. 20–21.
4. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК) Ф.150. – Оп.1. – Д.502. – Л.1.
5. Королёв В.И. Бунт на коленях: Политические партии в Таврической губернии в 1905–1907 гг. – С.10.
6. Там же. – С.11–12; ГААРК Ф.150. – Оп.1. – Д.60. – Л.14.
7. ГААРК. – Ф.26. – Оп.3. – Д.429. – Л.70; Ф.150. – Оп.1. – Д.16. – Л.40.
8. ГААРК. – Ф.150. – Оп.1. – Д.80. – Л.11.
9. ГААРК. – Ф.27. – Оп.3. – Д.376. – Л.2.
10. ГААРК. – Ф.26. – Оп.3. – Д.430. – Л.2.
11. ГААРК. – Ф.150. – Оп.1. – Д.105. – Л.95; Ф.150. – Оп.1. – Д.502. – Л.1; Ф.376. – Оп.6. – Д.508. – Л.62.
12. ГААРК. – Ф.26. – Оп.3. – Д.430. – Л.2–3; Ф. 483. – Оп.4. – Д.508. – Л.13–14.
13. ГААРК. – Ф.706. – Оп.1. – Д.116. – Л.2.
14. ГААРК. – Ф.150. – Оп.1. – Д.502. – Л.2.
15. ГААРК. – Ф.483. – Оп.4. – Д.508. – Л.10.
16. Королёв В.И. Бунт на коленях: Политические партии в Таврической губернии в 1905–1907. – С. 12.
17. ГААРК Ф.27. – Оп.3. – Д.666. – Л.43.
18. Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX века в России // Вопросы истории. – №1. – 2000. – С.29.
19. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. – Т.2. – М.: ОГИ, 2004. – С.532.
20. А.И. Спиридович. Охрана и антисемитизм в дореволюционной России / Сост. Дж. Дейли // Вопросы истории. – №8. – 2003. – С.3–6.
21. Королёв В.И. Бунт на коленях: Политические партии в Таврической губернии в 1905–1907 гг. – С.21.
22. ГААРК Ф.162. – Оп.2. – Д.4995. – Л.68.
23. Там же; ГААРК Ф.483. – Оп.4. – Д.325. – Л.51.
24. Там же. – Л.14.
25. Королёв В.И. Еврейский погром 1905 года в Симферополе. – С.39.
26. Королёв В.И. Бунт на коленях: Политические партии в Таврической губернии в 1905–1907. – С.27.
27. ГААРК. – Ф.483. – Оп.4. – Д.361. – Л.13–111.
28. Клейнершехт. Указ. Соч. – С.2.
29. ГААРК Ф. 483. – Оп.4. – Д.351. – Л.2–3.
30. Клейнершехт. Указ соч. – С.2; ГААРК Ф.483. – Оп.4. – Д. 365. – Л.5.
31. Павлюк К.К. История 51-го Литовского его императорского высочества наследника цесаревича полка: 1809–1909. – Т.2. – Одесса, 1909. – С.384; ГААРК. – Ф.483. – Оп.4. – Д.356. – Л.17–18; – Ф.483. – Оп.4. – Д.365. – Л.5–6.
32. ГААРК. – Ф.483. – Оп.4. – Д.356. – Л.29.

33. ГААРК. – Ф. 483. – Оп.4. – Д.324. – Л.10.
34. Клейнершехт. Указ соч. – С.3; ГААРК Ф.483. – Оп.4. – Д.324. – Л.10.
35. ГААРК. – Ф.483. – Оп.4. – Д.559. – Л.34.
36. Клейнершехт Указ соч. – С.15,16,17,19,20,23; ГААРК Ф.26. – Оп.3. – Д.517. – Л.1; Ф.483. – Оп.4. – Д.326. – Л.1,2.
37. ГААРК. – Ф. 27. – Оп.9. – Д.439. – Л.21,24,25.
38. ГААРК. – Ф.27. – Оп.3. – Д.1163. – Л.26.
39. ГААРК. – Ф.483. – Оп.4. – Д.326. – Л.4,5,8,32,48,62.
40. Степанов С. Чёрная сотня. – Изд.2. – М.: Эксмо, Яуза, 2005. – С.70.
41. Клейнершехт Указ соч. – С.31.
42. ГААРК. – Ф.26. – Оп.3. – Д.440. – Л.17–18.
43. ГААРК. – Ф.26. – Оп.3. – Д.440. – Л.4.
44. ГААРК. – Ф.376. – Оп.6. – Д.507. – Л.66,68; Ф.376. – Оп.6. – Д.508. – Л.7,47,59,60.
45. Там же. – Л.68.
46. Там же. – Л.1,69,72,78
47. Там же. – Л.1,2,61,66,79; Ф.150. – Оп.1. – Д.60. – Л.196,212; – Ф.150. – Оп.1. – Д.515. – Л.5.
48. ГААРК. – Ф.376. – Оп.6. – Д.507. – Л.2,21,22,44,62,63,64,81,82.
49. ГААРК. – Ф.376. – Оп.6. – Д.508. – Л.104,105; Ф.150. – Оп.1. – Д.60. – Л.212; Ф.26. – Оп.3. – Д.439. – Л.57.
50. ГААРК. – Ф.150. – Оп.1. – Д.17. – Л.23.
51. ГААРК. – Ф.26. – Оп.3. – Д.439. – Л.11.
52. ГААРК. – Ф.150. – Оп.1. – Д.724. – Л.3.
53. ГААРК. – Ф.150. – Оп.1. – Д.17. – Л.24.
54. ГААРК. – Ф.26. – Оп.3. – Д.439. – Л.12.
55. ГААРК. – Ф.150. – Оп.1. – Д.17. – Л.26а.
56. ГААРК. – Ф.376. – Оп.6. – Д.507. – Л.50–54; – Ф.150. – Оп.1. – Д.60. – Л.215; – Ф.150. – Оп.1. – Д.671. – Л.1.
57. Зарубин А.Г., Шуранова Е.Н., Зарубин В.Г. Крым: Начало XX века – февраль 1917 года: Исторический очерк // Историческое наследие Крыма. – №11. – 2005. – С.129.
58. Клейман И.А. Антисемитизм в России // Еврейская энциклопедия [репринт]. – Т.2. – М.: Терра, 1991. – С.733–736.
59. Посманик Д. Погромы в России // Еврейская энциклопедия [репринт]. – Т.12. – М.: Терра, 1991. – С.619.
60. 60 Революционное движение в Таврической губернии в 1905–1907 гг.: Сб. док. и мат. / Ред. П.Н. Надинский, А.Д. Беликова. – С.: Крымиздат, 1955. – С.14.
61. Губенко Г.Н. Указ соч. – С.71.
62. ГААРК. – Ф.150. – Оп.1. – Д.103. – Л.37; Ф.150. – Оп.1. – Д.855. – Л.3.
63. ГААРК. – Ф.26. – Оп.3. – Д.441. – Л.1–6.
64. ГААРК. – Ф.376. – Оп.6. – Д.508. – Л.38; Ф.150. – Оп.1. – Д.61. – Л.126–127; Южный курьер. – №259. – С.3.
65. ГААРК. – Ф.376. – Оп.6. – Д.508. – Л.216; Ф.376. – Оп.6. – Д.509. – Л.1; Ф.376. – Оп.6. – Д.510.
66. ГААРК. – Ф.376. – Оп.6. – Д.507. – Л.11.
67. ГААРК. – Ф.26. – Оп.3. – Д.441. – Л.31.
68. Речи по погромным делам: к истории еврейских погромов и погромных процессов в России / Вступ. ст. В. Короленко. – К., 1906. – С.92.
69. ГААРК. – Ф.376. – Оп.6. – Д.507. – Л.121,155,158,178.
70. ГААРК. – Ф.26. – Оп.3. – Д.439. – Л.9,10.
71. ГААРК. – Ф.483. – Оп.4. – Д.387. – Л.4,9,20,21.
72. ГААРК. – Ф.150. – Оп.1. – Д.60. – Л.277.
73. ГААРК. – Ф.26. – Оп.3. – Д.441. – Л.44.
74. ГААРК. – Ф.150. – Оп.1. – Д.517. – Л.6.
75. ГААРК. – Ф.26. – Оп.3. – Д.462. – Л.227.